

Блуждая по пустыне мира сего, я случайно набрёл на некое место, кое служило прибежищем, и улёгся там, чтобы уснуть. И откуда я спал — я грезил.

Джон Беньян. Восхождение странника

То, что хотел бы я высказать, высказываю не подлежаит.

Людвиг Витгенштейн. Бытие и время

ОТ АВТОРА

Дорогие мои ребятки! А также уважаемые взрослые дяденьки и тётеньки!

Когда я был маленьким — а было это, если подумать, давным-давно, хотя мне до сих пор кажется, будто это было совсем-совсем недавно, — я читал одну книжку про деревянного человечка. Она называлась «Золотой Ключик, или Приключения Буратино», и мне она очень нравилась.

Правда, похвалиться перед своими друзьями-приятелями я этой книжкой не мог, потому что они её тоже читали. И — представьте себе! — вообще все дети её читали. Ведь в те далёкие-далёкие времена у нас была советская власть, а при советской власти жизнь у ребят была очень скучная. Дети тогда почти не пили водку, не нюхали клей, не обдалбывались веществами и даже сексом занимались редко и нерегулярно. Как-то всё это было не принято. Книжек про Гарри Поттера тоже не было, а интересные и полезные журналы Yes, Cool, Oops, Fuckel и SOSka почему-то не выпускались. Так что мы развлекались сами как умели: бегали во дворе, играли в футбол, лазили на деревья, дрались, потом мирились, часами болтали о всякой всячине. А порой — и такое бывало! — сидели дома и читали книжки. Сначала про Колобка, про лисичку-сестричку, а потом уже и про Карлсона, который живёт на крыше, про Маугли, про Гулливера. Ну и про Буратино.

А те ребята, которые читать не любили, всё равно знали про деревянного человечка. Потому что взрослые сняли по этой книжке кинофильм, и даже не один! И, конечно, все его смотрели, все-все-все: ведь тогда по телевизору не показывали красивое настоящее кино про Ганнибала Лектора, Фредди Крюгера и Человека-Паука. Не говоря уж о Покемонах и Телепузиках — их даже и в заводе-то не имелось. Уж такие тогда были времена!

Взрослые тоже откуда-то знали шалуна и проказника Буратино. Во всяком случае, они иногда рассказывали про него разные истории.

Причём такие, которых в книжке не было. Например, как Буратино напился пьяным, и про то, что у него было с девочкой Мальвиной, и про то, что у девочки Мальвины было с пуделем Артемоном, и многое-многое другое. Назывались эти весёлые истории «анекдоты», а откуда они берутся, взрослые нам не рассказывали.

Но я-то был мальчиком начитанным и смышлённым. И знал, что одну и ту же книжку иногда издают по-разному: для детей — потоньше, а для взрослых — потолще, со всякими подробностями. Например, была детская книжка «Гулливер», про большого английского дядьку, который попал на остров к маленьким человечкам. А была и взрослая книжка, которая называлась так же, но в два раза толще. И там тоже большой дядька попадал на остров к коротышкам, однако ещё вёл с ними всякие сложные разговоры про политику, а потом пописал на какой-то их домик — а в детской книжке про это не было, и про политику там ничего не говорили. Ещё была детская книжка «Маугли», а была взрослая «Книга Джунглей», которую детям даже и не показывали. А ещё я знал про французские книжки «Гаргантюа и Пантагрюэль», которых было тоже две — взрослая и детская. И которая взрослая — та была вся про писанье и каканье, и ещё про всякие гульфики, и про то, что там внутри этих гульфиков. А в детском «Гаргантюа» не было никаких гульфиков. И про писи и каки тоже ни словечка. Оттого-то и читать её было скучно-прескучно.

Вот потому-то я решил, что и про Буратино тоже есть взрослая книжка, большая и толстая. Где разговоры про политику, и про Мальвину с пуделем, и всякие другие интересные истории. И когда я вырасту, то куплю себе взрослую книжку про Буратино, прочту её и всё-всё узнаю.

Потом я вырос. И узнал, что большую взрослую книжку про Буратино почему-то так никто и не написал.

Тогда меня это не очень расстроило. Потому что в то время как раз кончилась советская власть и появилось очень-очень много книжек про политику, и про писи и каки, ну и, конечно, про секс — ведь советские люди совсем-совсем ничего не знали про секс, и им было ужасно интересно, что это такое и как это делается. Зато еда и одежда почему-то сделались очень дорогими, так что читать книжки стало некогда. Потому что надо было как-то крутиться и вертеться, чтобы заработать себе и своей семье на еду, не говоря уже о тампакахх и сникерсах, без которых вдруг почему-то стало совершенно невозможно жить. И я тоже закрутился и завертелся, чтобы в моей семье всегда хватало тампаков и сникерсов. Какие уж тут деревянные человечки!

Однако же, через много-много лет, я припомнил моего старого друга Буратино и даже решил перечитать его приключения.

Но сперва я должен вам, ребятки, открыть один секрет. Взрослые люди читают книжки совсем не так, как дети. Дети — они радостные и доверчивые, поэтому им чего не расскажешь — всему верят, как будто так и надо. Детям можно рассказать любую историю, лишь бы в ней

было побольше страшных опасностей и ужасных приключений. А взрослые — я имею в виду *настоящих* взрослых — угрюмые и подозрительные. И поэтому они не только читают, но ещё и думают, нет ли в рассказанной истории каких-нибудь противоречий и несуразностей. И если они их там находят, то они снова берутся за книжку. И начинают её читать секретным взрослым способом: не только то, что написано, а ещё и между строчек. У самых-самых взрослых есть такое специальное умение — читать между строчек, в тех местах, где вроде бы ничего и нет. На самом же деле между строчек обычно рассказывается много всякого занимательного. Только это написано малюсенькими буквами, и к тому же они того же цвета, что и бумага, поэтому их не видно. Однако если смотреть очень-очень пристально, то кое-что всё-таки можно разобрать.

Так вот, перечёл я ту детскую книжку про Буратино и нашёл в ней множество всяких противоречий и несуразностей. Например, почему куклы в кукольном театре сразу признали Буратино, хотя никогда его до этого не видели? Откуда у Мальвины домик на сизой поляне? Почему ей служили звери, птицы и даже вольные бабочки? Зачем Карабас-Барабас так хотел получить золотой ключик — неужели всего лишь из-за старого кукольного театра? И, кстати, откуда он его взял — до того, как потерял в пруду? По какой такой загадочной причине черепаха Тортилла сначала не хотела рассказывать Карабасу-Барабасу про золотой ключик, а потом рассказала ему всё-всё-всё? Кто такой Тарабарский король, чьим именем Карабас-Барабас пытался всех напугать? Откуда взялся на дверце за холстом портрет Буратино? К чему на занавесе кукольного театра золотая молния? И ещё триста тридцать три почему и отчего, ответа на которые в книжке я так и не нашёл, хотя очень старался.

И мне ужасно — ну вот просто ужжжасно! — захотелось всё узнать и найти всему объяснение.

Тогда я сел за стол, положил перед собой книжку про Буратино и стал разбирать то, что написано между строчек маленькими-маленькими буквами.

Это было очень трудно, потому что зрение у меня уже не такое острое, как в молодые годы, а невидимые буквы между строчек ну *очень* маленькие и совсем-совсем неразборчивые. Но всё-таки кое-что разобрать мне удалось. Хотя это заняло очень-очень-очень много времени.

Так вот: там, между строчек, я вычитал много-много интересного. И про то, откуда у Мальвины домик, и откуда у Карабаса ключик, и про Тортиллу, и даже про Тарабарского короля. И, конечно же, там было и про пуделя с Мальвиной, и про секс, и даже про политику.

А чтобы ничего не забыть и не перепутать, я записывал всё, что прочёл между строчек, в специальную тетрадочку. Потом получилась ещё одна тетрадочка, и ещё одна, и ещё одна. И когда я наконец всё прочитал до конца, то понял, что у меня получилась та самая взрослая книжка про Буратино, о которой я мечтал в детстве.

Тут-то мне и пришло в голову эту книжку опубликовать. Не за-ради какой-то выгоды или там славы, а просто так. Для развлечения людей любознательных.

Но на всякий случай, чтобы эту большую книжку не перепутали с той маленькой, я решил назвать её немножко по-другому. По-взрослому. А взрослые не любят маленькие вещи, которые называются специальными маленькими словами — такие, как «сумочка», «лопаточка» или там «ключик». Взрослые ведь себя считают большими и важными. Поэтому они любят большие вещи и важные слова — «сума», «лопата», «ключ». И ещё: взрослые не верят в приключения. Им почему-то кажется, что все приключения на свете давным-давно кончились. Зато взрослые иногда пускаются в похождения. Разница между ними такая, что от приключений люди становятся умнее и лучше, а от походов только портят себе жизнь и здоровье.

Потому-то эта книжка и называется: «Золотой Ключ, или Похождение Буратины».

Правда, она получилась не такая простая и весёлая, как та старая сказка. К тому же в ней есть разговоры про всякие скучные взрослые вещи, даже про политику, а то и всякие глупости вроде секса и насилия. Я, конечно, понимаю, что вам, ребята, не очень интересно читать про это, потому что ваши любимые журналы Yes, Cool, Ooops, Fuckel и SOSka только про них и пишут (и это не считая телевизора). Так что вы можете просто пропускать эти скучные места.

P. S. В книжке иногда попадаются непонятные слова. Это потому, что герои книжки живут в очень-очень отдалённом будущем, а там много чего устроено не как у нас. Но вы особенно-то не пугайтесь! Как правило, все эти слова становятся понятны по ходу чтения. В крайнем случае их можно пропустить без особого вреда. Однако для самых-самых дотошных и въедливых читателей, непременно желающих знать всё досконально и во всех подробностях, автор приготовил специальный словарик. Пока что его можно сыскать только в интернете. Например, вот здесь: http://samlib.ru/h/haritonow_m_j/buratinadict.shtml. Ну да будем надеяться, что мы когда-нибудь и словарик издадим отдельной книжечкой. И много ещё чего, к нашей истории относящегося.

Прочие непонятности разъяснены особо. В постраничных сносках — то, что требует немедленного объяснения*. А позади книжки есть ещё раздел «Примечания и дополнения». Вот там для вдумчивого читателя, что называется, стол накрыт. Очень там всего интересного много, интересного и вкусного. Вы ту страничку заложите какой-нибудь закладочкой и после прочтения очередной главы — туда заглядывайте.

* Например, переводы иноязычных слов. И другие короткие замечания вроде этого.

И вот ещё кое-что важное, тоже про слова. Иногда наши герои — особенно в раздражении — ругаются *по-взрослому*. Ну вы, наверное, тоже знаете всякие такие словечки на разные буквы: и на *пэ*, и на *хэ*, даже на *е*. Я-то, конечно, не стал бы писать такие слова нарочно. Но что ж поделать, если наши герои ужасно невоспитанные? Зато вы-то очень даже воспитанные, ведь правда? Поэтому, если вам вдруг попадётся нехорошее слово — не читайте его целиком, а зажмуривайтесь по-честному. А если вдруг не успели зажмуриться и всё-таки прочли — плюньте, дуньте и скажите волшебное заклинание: «Укроп-репа, духовная скрепа, окорми меня, грешного». От этого всё плохое распадается на целебную плесеньку и сладкий липовый медок. Которые вам уж точно не повредят.

Так-то и вы сможете прочитать эту книжку от корки до корки. И совсем-совсем не оскоромиться.

*Искреннейший ваш друг и доброжелатель
добрый сказочник Михаил Харитонов*

ПРИКВЕЛ. СУНДУК МЕРТВЕЦА

2013 год. 21 декабря.

Российская Федерация. Иркутская область.

Ночь.

Депутат Государственной Думы шестого созыва Викентий Виленович Пархачик маялся животом — последний раз в жизни.

Если бы он о том догадывался, то, небось, не беспокоился б из-за пустяков. Однако роковая догадка его не посетила. Поэтому он сердился. И даже — роптал.

Более всего Викентий Виленович был возмущён тем, что ему не создали условий. Нет, он не ждал японской сантехники и подогретой сидушки. Но хотя бы обычный унитаз, рулон бумаги, крючок для одежды и приватность отдельной кабинки! Вместо этого он был вынужден, приспустив полосатые бриони, раскорячиваться над суровым бетонным выемом в полу. Рядом был такой же выем, и ещё такой же, и ещё: сортир был серьёзным военным сооружением на двадцать четыре очка. Когда-то в нём оправлялось целое отделение. А может, взвод. Викентий Виленович, несмотря на многолетнее членство в думской оборонной комиссии, смутно понимал разницу между отделением и взводом. В армии он не служил, в чём не любил признаваться. Зато он стрелял из станкового пулемёта, катался на Т-84У*, украшенном партийной символикой — два раза, — а также снимался в предвыборном клипе Владимира Вольфовича Жириновского «Слава Русскому оружию!» в костюме маркитантки.

Депутат злился ещё и потому, что внезапно случившийся понос внёс коррективы в его текущие планы. Он собирался перекинуться парой слов с Крыпатченко до того, как все сели за стол. За стол он, впрочем, тоже собирался: ему хотелось выпить и закусить. То есть хорошо выпить, плотненько закусить и ещё выпить. Он уже даже и начал: хряпнул из фляжечки. Это было необходимо хотя бы потому, что опускаться в лифте

* Украинский танк на базе Т-84. Полное название — Т-84У «Оплот».

на три километра вниз ему до сих пор не приходилось. Такое событие следовало отметить: оно пополняло коллекцию нестандартных жизненных ситуаций, в которые Викентий Виленович попадал регулярно. Ему случалось заходить в синагогу в арафатке, закусывать кумыс швейцарским горьким шоколадом, писать лирические стихи в газету «Анархия!», членствовать в Счётной комиссии на втором съезде Социал-кальвинистской партии, выступать на митинге в защиту сексуальных меньшинств — в смокинге, с накладной силиконовой попой, — и далее по всем кочкам, пока не удалось осесть в ЛДПР, этом последнем прибежище оригиналов.

В партии его любили за понятливость, жизнелюбство, ну и за весёлую фамилию. Она как-то по-особенному оттеняла — а местами и подсвечивала — кругленькую, румянющую мордочку её обладателя. Это чрезвычайно развлекало Лидера.

Кое-как завершив начатое, Пархачик подтерся предусмотрительно прихваченной со стола салфеткой, убрал нехороший след с ванлаковской рубашки, накинул пиджак и вернулся в зал. Там шумел-гремел позор московский — поздний банкет. Ну, относительно поздний. На поверхности было что-то вроде четырёх утра: мрак, собачий чёрный холод и кривые ёлки в снегу. По Москве — где-то одиннадцать, самый разгар пятничного оттопыра. По своему внутреннему состоянию Викентий Виленович дал бы полночь. Какое время тикало здесь, под землёй, на спецобъекте, построенном в семидесятые на случай всеобщего ядрён-батона — затруднился бы определить и сам Владимир Вольфович, всегда имеющий мнение по любому вопросу жизни и смерти.

Помещение, где пили москвичи, пугало размерами. Это был огромный бетонный короб с гулким эхом. Подпотолочные лампы — каждая величиной с корыто — освещали ободранные стены и накрытый стол, смотрящийся в этих интерьерах несколько инопланетно.

Когда-то зал был полон секретного оборудования. Теперь от бывшего великолепия остались только железные лестницы, ведущие к люкам, высокие сварные стойки с характерными дырками, — при виде их в памяти депутата шевелилось невесть как застрявшее в ней слово «креплёж», — да ещё огромная карта Земли, насмерть вмурованная в стену: два выпуклых полушария, напоминающие гигантскую жопу.

Прямо под ней, во главе стола, восседал, крепя спину и расправив погононосные плечики, генерал РВСН Фирьяз Давлетбаевич Давлетбаев.

Как и большинство генералов, Викентием Виленовичем когда-либо виденных, Давлетбаев был росточком метр шестьдесят восемь с каблуками. Лицо у него было военно-восточного типа — вместо влажного вымени, типичного для славян, дослужившихся до большой звезды, у Фирьяза Давлетбаевича на плечах росла сухая твёрдая башка, бритая под барабан. Щёки и подбородок генерала были выскоблены до какого-то неприличия, как лобок порнодеи. Конские глаза его блестели бессмысленно и беспощадно.

Генерал депутату не то чтобы не нравился, но вызывал беспокойство. Во-первых, он напоминал ему тестя, восточного человека. В делах тесть был архиплезен, однако неприятен в быту — в частности, излишним вниманием к запутанной личной жизни зятя. Во-вторых, депутат знал, что генерал Давлетбаев известен не только хозяйственно-снабженческой жилловатостью, но и причудливо-вздорным нравом, а в войсках имеет устойчивую репутацию ебанутого. Впрочем, российская армия вообще богата на мундирных ебанько, этого добра Виленович уже насмотрелся, заседал с такими во всяких смешанных комитетах и особых совещаниях. Иногда он задумывался, что же будет, если этим утыркам и в самом деле придётся воевать по-настоящему. Однажды он поделился своими сомнениями с Лидером. Тот подумал секунды две и ответил: «А ничего, сперва положат половину армии, потом придут в себя и вспомнят, чему их в Академии учили». Владимир Вольфович, когда не выступал перед публикой, обычно говорил умные и верные вещи. Тем не менее Пархачик с ним внутренне не согласился. По его ощущениям, чтобы прийти в себя, генералам придётся сначала известить процентов семьдесят личного состава.

Банкет имел место по случаю подписания протокола приёма. Противоатомное убежище сдавали на консервацию, предварительно списав и активировав всё, что вообще можно было активировать и списать. К огорчению генерала Давлетбаева, кое-чем всё-таки пришлось поступиться, в основном из-за косности компетентных инстанций, а также из-за конструктивной недостаточности грузовых лифтов. Тем не менее вывезенного на поверхность добра хватало в общей сложности на несколько скромных шале на Лазурке. О чём депутат, разумеется, знал. Как и о том, сколько получил — и для передачи, и себе на карман — председатель комиссии Крыпатченко, подписавший Давлетбаеву нужные бумаги.

Сам Викентий Виленович был по этой части обойдён, но в рамках приличия. Денег ему, как человеку без права подписи, никаких не полагалось, зато уважуха, накрытая поляна и последующий досуг подразумевались. Чем он и намеревался воспользоваться и ни в коем случае ни в чём себе не отказать. Отказывать себе в чём бы то ни было Кеша — так звал его Лидер в добрую минуту — считал безнравственным.

Банкет тем временем пережил первую волну тостов и тихо стагнировал в ожидании второй. Люди разбились на кружочки и базарили — не то чтобы по делу, а где-то около, принохиваясь и прихрюкиваясь к разным темам, а то и просто так.

Благообразный седобородый дед в недорогом, но хорошо сидящем костюме внимательно слушал молоджавого майора, который, горячась и разбрасываясь руками, рассказывал, насколько под Ямантау было круче. Долговязый пиджак, слегка заикаясь, спорил с низеньким подполом в лопающемся на пузе мундире о тактико-технических характеристиках танка «Абрамс», причём подпол всё время повышал голос. Пьяненькая тётенька, лет десять назад очень даже ябвдульная, а теперь всего лишь

условноебабельная, страдала от мужского невнимания и показывала зачужкованную ножку — на вид тёплую, но с просвечивающим синяком под коленкой, что наводило на мысль о какой-то драме. Рыжий прапор, неведомо как проникший на барский пир, споренько накидывался водочкой, время от времени набивая рот селёдкой с луком. Пи́л прапор быстро и умело. Викентий Виленович аж залюбовался такой целенаправленной и успешной работой над собой.

Пархачик присел на прежнее место, как раз возле прапора. Подтянул чистенькую тарелочку, странным образом выжившую на этом столе. Нагрузил холодными баклажанчиками, опробовал. Баклажанчики хорошо, правильно улеглись в желудок, тот и не буркнул. За это депутат вознаградил себя кстатì подвернувшимся коньячком. Коньячок пошёл чуть жёстче, чем хотелось бы, однако кишок не разбередил. Депутат закрепил успех тарталеткой с козьим сыром.

— Пр-рстите, а вы м-москвич? — поделился рыжий прапор внезапной догадкой. Водочка в нём согрелась до кондиции и требовала слова.

Депутат прикинул перспективы. Разговаривать с водкой в чужом желудке ему приходилось регулярно, и всё, что она может сказать, он в общем-то знал. Рыжий, при взятом темпе, должен был бы минут через несколько начать бороздить мордой просторы стола — или уж впасть в амбицию, а то и полезть в драку. Однако покидать с трудом завоёванное место за столом не хотелось. Пархачик решил пообщаться, а там посмотреть по обстановке.

— Да какой москвич! С Подоляк мы, это село такое, Подоляки, мало кто знает, — вздохнул он специальным образом, как бы открывая провинциальному быдлу перспективу для сопереживания. — Депутат от области. В Москве бываю временно. Не могу в этом городе жить, кошмар какой-то, — закончил он фразой, на которую провинциальное быдло обычно велось.

Прапор не повёлся. Зато государственное словцо его зацепило.

— Депутат... — по-собачьи наклонил он голову. — Депутат. Чего же ты депутат...

Не по-хорошему задумчивая интонация прапора и тыканье не обещали конструктива. Пархачик решил отделаться парой фраз и всё-таки уйти.

— Я депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, фракция Либерально-демократической партии России, — он по опыту знал, что эта фраза озадачивает и сбивает с толку.

— Депутат, значит. Вот вы там депутаты. В Москве. Законы для нас принимаете, — уже откровенно накручивал себя прапор.

— Мы находимся в оппозиции, наши законодательные инициативы торпедируются партией власти, хотя мы внесли в думские комитеты только за этот год около тридцати радикальных предложений... — у депутата включилась пластинка.

Прапор скроил казённую рожу.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Приквел. Сундук мертвеца	11
Пролог под землёй	25
Пролог на небе	37
Глава 1, в которой некий юноша томится, мучимый позывами плоти, однако не унывает	44
Глава 2, в которой совершается, а равно и открывается нечто неприглядное	50
Глава 3, в которой уже знакомая нам компания попадает в затруднительное положение и лишается верного спутника.	55
Глава 4, в которой наш юноша обретает жизненную перспективу, а также получает имя	63
Глава 5, в которой все спят, кроме двух старых друзей, которые заняты важным разговором	69
Глава 6, в которой наш юноша существенно улучшается изнутри и снаружи	76
Глава 7, в которой мы, обращаясь к уже прошедшим событиям и как бы смотря назад — что и впредь мы будем делать нередко — присутствуем при беседе отважного пилигрима со святым праведником.	80
Глава 8, в которой наш юноша задумывает и осуществляет некую каверзу, но немного промахивается, что весьма сильно влияет на дальнейшее развитие событий	87
Глава 9, в которой мы чуть было не становимся невольными свидетелями совершеннейшего неприличия	95
Глава 10, в которой наш юноша наживает себе врага в собственном доме	102
Глава 11, из которой мы кое-что узнаём о властях Директории и их управленческом стиле	106
Глава 12, в которой две благородные души мучительно разрываются между страстью, честью и долгом	112
Глава 13, в которой утомлённый странствием пилигрим находит стол, кров и компанию	121
Inspiratio. Видение Пьеро.	130
Глава 14, в которой наш юноша встречается со смертельной опасностью.	138
Глава 15, в которой мы знакомимся с личностью по-своему любопытной, но не особенно симпатичной	143

Глава 16, в которой наш юноша чудесным образом спасается от верной гибели и по такому случаю преисполняется энтузиазма	146
Глава 17, в которой мастер своего дела справляется со сложной работой и не остаётся без вознаграждения	150
Глава 18, в которой барышня, приятная во многих отношениях, узнаёт совершенно потрясающие новости	163
Глава 19, в которой отважный пилигрим совершает подвиг за подвигом, а в итоге попадает в большую беду	173
Глава 20, в которой кое-кто и не подозревает, что очень скоро получит награду за свои труды, вот только не совсем ту, на которую уповал . . .	194
Глава 21, в которой с отважным пилигримом случается нечто ужасающее	200
Глава 22, в которой целомудренной девушке делают непристойное предложение, от которого, однако же, совершенно невозможно отказаться	205
Глава 23, в которой послушная дочь внемлет материнским речам, но в конце концов предаётся разнузданности	214
Глава 24, в которой уже хорошо известный нам юноша заболевает, а излечившись, пытается нанести вред своему здоровью другим манером	229
Глава 25, в которой вновь открывается нечто неприглядное, но это открытие дарит кое-кому утраченные было надежды	240
Глава 26, в которой наш старый знакомый сначала обещает сделать одолжение, а потом одалживается сам	245
Глава 27, в которой целомудренная девушка пытается нарушить своё подзатыгнувшееся девство, но преуспевает в этом, прямо скажем, не вполне	255
Глава 28, в которой отважный пилигрим достигает наконец цели своих устремлений.	263
Глава 29, в которой происходит много странного — но, в общем-то, ничего удивительного	279
Глава 30, в которой мы погружаемся в чужой внутренний мир — и, увы, обнаруживаем там очень мало разумного, доброго и вечного	289
Глава 31, в которой знакомая нам компания значительно увеличивается	292
Глава 32, в которой происходит нечто, на первый взгляд к нашей истории не относящееся, но чреватое некими значимыми последствиями в дальнейшем	306
Глава 33, в которой проясняется кое-что существенное, имеющее касательство к изложенному в предыдущей главе	312
Глава 34, в которой энтузиаст своего дела, соблазнившись на посулы, принимает рискованное кадровое решение.	319